

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования корпоративных правоотношений.

В последнее время большое значение приобретают общетеоретические проблемы, связанные с определением основных направлений гражданского законодательства в условиях рыночной экономики.

В истории современной России сегодня четко обозначились два этапа в формировании и развитии законодательства.

На первом этапе наиболее важная задача государства состояла в создании системообразующего блока российского законодательства, который включает в себя Конституцию Российской Федерации как основной закон Российского государства и кодексы, регулирующие различные отрасли права.

Как известно, институты гражданского (частного) права возникают и развиваются под непосредственным влиянием конкретных социально-экономических потребностей. Это в полной мере относится к наиболее развивающейся категории корпоративных отношений. В связи с чем проблема правовой природы корпоративных правоотношений стала приобретать все важное значение в условиях формирования рыночных отношений. Так, в исследовании юридической природы субъективного корпоративного права рассматриваются три концепции: вещно-правовая, обязательно-правовая, корпоративная.

Деление на «вещное» и «обязательно-правовое», которое берет начало в римском праве, сохранило основополагающее значение прежде всего в законодательстве континентальных стран и в кодексах, использовавших пандектную модель (от Германского гражданского уложения и до кодексов Российской Федерации). В самом общем виде различие между вещными и обязательно-правовыми правоотношениями усматривают в том, что вещные права имеют своим предметом вещь, носят абсолютный характер, будучи связаны с вещью, следуют за ней и, наконец, предполагают активность носителя

права и одновременно пассивность тех, кто ему противостоит. Для обязательно-правовых отношений характерно то, что их предметом служит действие определенного лица (должника), они являются относительными, следуют за должником и предполагают активность этого последнего, противостоящего управомоченному лицу-кредитору [1].

Сторонники вещно-правовой концепции природы субъективного корпоративного права рассматривают участника корпорации как собственника имущества компании.

Так, К.П. Победоносцев, анализируя законодательство об акционерных обществах Германской империи 1870 г., Франции 1867 г., английские законы 1862 и 1867 годов, отмечает, что акционер не считается совладельцем имущества, составляющего достояние общества, – по крайней мере до тех пор, пока общество существует и действует: разве в минуту ликвидации раздела акционер может предъявить свои права на участие в этом разделе. В то же время акционер не считается и кредитором общества: он член его, а не кредитор. С учетом этого, по мнению К.П. Победоносцева, акцию правильнее причислить к вещным правам – это право на известную долю в достоянии общества [2].

Как отечественное, так и зарубежное законодательство признавало «совокупную собственность». Эта категория выражает особый корпоративный тип собственности, характерный для корпорации (например, общины), не являющейся единым юридическим лицом (ст. 567 Гражданского уложения Цюриха).

Хотелось бы обратить внимание на то, что в недавнем прошлом нормативные правовые акты, регулирующие деятельность акционерных обществ, по сути, закрепляли вещно-правовую концепцию субъективных прав акционера. Согласно п. 43 Положения об акционерных обществах, утв. СМ РСФСР от 25.12.1990 г., акция являлась ценной бумагой, удостоверяющей

право собственности на долю в уставном капитале [3]. Также наблюдается законодательное закрепление термина «коллективная собственность». Так, Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25.12.1990 г. закрепил возможность осуществления предпринимательской деятельности на корпоративных основах с использованием таких организационно-правовых форм, как полное товарищество, смешанное товарищество, товарищество с ограниченной ответственностью (акционерное общество закрытого типа). При этом в основу регламентации правового режима имущества для указанных субъектов предпринимательской деятельности лег принцип признания права общей долевой собственности участников на это имущество.

Достаточно очевидным является тот факт, что прямое введение режима долевой собственности искажает смысл корпоративных объединений. Сторонники трактовки участников корпорации как собственников капитала хозяйствующего субъекта для наиболее полного отражения сути складывающихся отношений используют различные сложноструктурные модели права собственности (разделенной собственности), в противовес классической, построенной на принципе «у каждой вещи может быть только один собственник».

При сложноструктурной модели права собственности имущество может принадлежать нескольким лицам [4]. Как пишет П.В. Степанов, в основе внутренних корпоративных отношений лежат экономические отношения коллективной собственности, то есть отношения по присвоению материальных благ коллективом [5]. В.Ф. Попондопуло отмечает, что для рыночной экономики характерно расщепление права собственности, благодаря которому происходит обособление функции производительного (торгового, коммерческого) использования капитала от собственности на капитал, и предлагает различать собственника имущества (совокупность всех товарищей, акционеров, которые через свои органы управления – общее собрание и др. – в пределах их компетенции владеют, пользуются и распоряжаются имуществом сообща) и само предприятие, управляемое наемными служащими [6].

В основе указанной модели, как уже говорилось, лежит экономическая категория соб-

ственности. В экономическом смысле собственность есть отношения по присвоению. Именно с экономической точки зрения существует возможность сосуществования двух собственников на один и тот же капитал [7].

Следует отметить, что эта модель произведена от теории, признающей корпорацию частной организацией, основанной на характерном для XIX в. взгляде на корпорацию как на товарищество.

Сторонники второго направления считают необходимым сохранить закрепленную законодателем обязательственно-правовую модель отношений, складывающихся между корпорацией и ее участниками.

Согласно п. 2 ст. 48 Гражданского кодекса РФ в отношении хозяйственных обществ их участники имеют обязательственные права. Пункт 1 ст. 2 Закона «Об акционерных обществах» также четко определяет обязательственно-правовую связь между акционерами и акционерным обществом.

По мнению М.И. Брагинского, учредители (участники) с передачей юридическому лицу соответствующего имущества полностью утрачивают свои вещные права на него. Не имеют они таких прав и по отношению к приобретенному имуществу. Соответственно и переданное учредителями (участниками) и приобретенное самим юридическим лицом имущество признается принадлежащим ему на праве собственности. Утрачивая вещные права, учредитель (участник) взамен приобретает права обязательственные – права требования к юридическому лицу [8].

В основе указанной концепции лежит договорная теория правовой природы корпорации. Названная теория подчеркивалась и ранее. Согласно 2132 ст. Зак. Гр., всякое товарищество и компания образуются посредством договоров, каковым по отношению к товариществам по участкам или компаниям на акциях представляется устав компании (ст. 2158-2198). Поэтому ясно, что при отсутствии в уставе определения, в силу которого акционеры были бы обязаны по постановлениям общего собрания пополнять так или иначе утраченную часть капитала, – обязательство это на точном основании 568-570, 1528-1536 ст. Зак. Гражд. не может быть признаваемо на себя акционерами принятым [9].

В русской дореволюционной литературе сторонником обязательно-правовой концепции акционерных прав был П.Н. Гуссаковский [10]. Другой автор – Г.Ф. Шершеневич на этот счет высказывался: договор возникает между всеми акционерами, подписавшими устав, возможность перемены личного состава путем отчуждения акций не изменяет договорного характера [11].

К числу современных авторов обязательно-правовой концепции можно отнести Е.Б. Сердюк, В.В. Лаптева, С.Д. Могилевского [12]. Сходную позицию занимает М.А. Рожкова, которая, характеризуя корпоративные правоотношения, указывает, что это относительное гражданское правоотношение, в котором обязанности конкретного органа корпорации осуществлять управление и ведение дел корпорации корреспондирует право участников этой корпорации (персональный состав которых может неоднократно изменяться) на получение информации и участие в управлении и ведении дел [13].

В современной практике арбитражных судов распространен подход, в соответствии с которым правоотношения между участниками корпорации и самой корпорацией признаются обязательственными. Можно привести целый ряд примеров решений арбитражных судов (в том числе и Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации), когда требования истца – участника корпорации признавались вытекающими из обязательственных правоотношений.

В качестве основания таких исков достаточно часто выступает неосновательное списание акций с лицевого счета истца помимо его воли.

К примеру, защищая свои права, акционер обратился в арбитражный суд с требованиями к открытому акционерному обществу и к регистратору общества (держателю реестра акционеров) о возмещении убытков в виде стоимости акций эмитента, списанных с лицевого счета истца по поддельному передаточному распоряжению. В принятых по делу судебных актах акционеру в удовлетворении его требований было отказано. Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации эти судебные акты были отменены, а дело было направлено на новое рассмотрение. При этом

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации указал на необоснованность ссылки судов трех инстанций на ст. 1080 ГК РФ о солидарной ответственности лиц, совместно причинивших вред, поскольку требования истца вытекают из обязательственных, а не деликтных отношений. Данная позиция высшей судебной инстанции основана на положениях ст. 44 ФЗ «Об акционерных обществах» и ст. 8 ФЗ «От рынке ценных бумаг», согласно которым держателем реестра акционеров общества может быть само общество (эмитент) или профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий деятельность по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг на основании поручения. Исходя из п. 4 ст. 44 ФЗ «Об акционерных обществах» общество, поручившее ведение и хранение реестра своих акционеров регистратору, не освобождается от ответственности за его ведение и хранение.

В связи с этим ответственность перед своими акционерами за исполнение обязанности по надлежащему ведению и хранению реестра акционеров и за действия регистратора несет само общество исходя из положений статей 393, 403 ГК РФ [14].

В рамках исследуемой темы считаем необходимым уделить внимание смешанным – вещно-обязательственным правоотношениям. На относительный характер различия между вещными правами и обязательственными отношениями в свое время указывал Д. Гримм [15]. На первый взгляд может показаться, что наличие смешанных правоотношений вступает в противоречие с существующим разделением вещного и обязательственного права в ГК. Допущение существования подобных прав, с точки зрения А.Б. Бабаева, обесценивает научное исследование и наносит вред цивилистике в целом [16].

С приведенным взглядом трудно согласиться. Некоторые гражданские права действительно можно отнести исключительно к вещным или обязательственным правоотношениям, учитывая наличие у них признаков, свойственных одному из указанных видов правоотношений. Однако в литературе неоднократно отмечалось, что данная классификация весьма условна и между правоотношениями не существует непроходимой пропасти [17]. Это связано с непрерывно продолжающимся процессом

сближения правоотношений, который происходит путем взаимного проникновения вещных и обязательственных правоотношений. Ярким примером соединения вещных и обязательственных элементов явилось использование конструкции ценных бумаг, при которой, с одной стороны, речь идет о праве собственности на соответствующий объект (акция, облигация и др.) как на вещь, а с другой – об обязательственном праве, принадлежность которого лицу подтверждается ценной бумагой. Гражданский кодекс отнес ценные бумаги к объектам гражданских прав – движимым вещам. Движение ценной бумаги происходит в формах, предусмотренных для движения выраженных в ней прав (ст. 146 ГК РФ). Более того, перечисляя виды ценных бумаг в ст. 143 ГК РФ, законодатель называет среди них акцию и другие виды ценных бумаг, которые могут выпускаться в бездокументарной форме. Таким образом, законодатель, включив бездокументарные ценные бумаги в группу ценных бумаг санкционировал применение к отношениям по поводу бездокументарных ценных бумаг, правовых норм, установленных для ценных бумаг.

Хотя конструкция бездокументарных ценных бумаг как особого вида бумаг вызывает резкую критику на страницах юридической литературы, но, как отмечает Е.А. Суханов, ситуация с бездокументарными ценными бумагами «в известной мере напоминает ситуацию с так называемой «интеллектуальной собственностью» [18].

Двойственность в оценке правовой природы ценных бумаг делает возможным с применением категории смешанных правоотношений регулирование данных отношений, не нарушая системы гражданского права. Как отметил М.И. Брагинский, «отказ от конструкции «смешанных правоотношений» вообще, применительно, в частности, в вещным и обязательственным, а равно связанное с этим исключение из числа возможных объектов собственности прав на действия... вынудили бы законодателя прийти к необходимости внести существенные изменения в регулирование различных по характеру отношений и одновременно сузили гарантии, предоставляемые собственнику как таковому и его кредитором» [19].

Рассматривая корпоративные правоотношения с точки зрения традиционных представ-

лений об обязательственном праве, А.Б. Бабаев усматривает разницу между последними. Как то, так и другое являются относительными правоотношениями, однако, если в обязательстве интерес лица удовлетворяется посредством совершения определенных действий обязанным лицом, то в корпоративном – благодаря действиям самого управомоченного субъекта. Если в обязательстве на пассивной стороне находится обязанность совершить данное действие, то в корпоративном правоотношении – лишь связанность действиями активного лица. Такие правоотношения уже были замечены цивилистикой и получили название вторичных [20].

Зарождение концепции вторичных прав принадлежит германской доктрине, выделяющей наряду с вещными и обязательственными третий вид прав – прав на изменение права.

Несмотря на то, что теории вторичных прав уже более ста лет, споры о месте указанного понятия в системе цивилистических категорий не утихают. Прежде всего, спорным остается юридическая природа вторичных прав.

Рассматривая вторичные права как права, содержанием которых является возможность произвести возникновение, изменение или прекращение других прав, делается вывод, что они имеют производный, вторичный характер, поскольку основное их назначение состоит в порождении, изменении или прекращении основных, первичных субъективных прав [21]. Причем в рамках понятия вторичного права объединяются два качественно различных феномена: вторичным правом считается как абстрактная и всеобщая возможность приобретения прав и обязанностей субъектом для себя по собственной инициативе, так и конкретная, приобретенная определенным субъектом возможность односторонним действием создать (изменить или прекратить) права и обязанности для другого лица независимо от его воли [22].

С момента появления конструкции вторичных прав выявилось двойное к ней отношение, которое зависит от общего понимания субъективного права. Одна группа авторов признавала, что вторичные права представляют собой субъективные права [23]. Позиция ряда других авторов обосновывает существование отличных от субъективных, вторичных прав. Это успешно доказал М.М. Агарков. По

мнению М.М. Агаркова, которое опирается на обширную литературу континентального права, наряду с субъективным правом за его пределами существует возможность создать, изменить или прекратить юридическое отношение посредством одностороннего волеизъявления. Автора не смущает отмеченное им же обстоятельство, что закон называет указанные возможности «правом». Особенность соответствующей конструкции состоит, в частности, в том, что «праву одной стороны соответствует не обязанность другой стороны, а только связанность ее этим правом» [24]. С.С. Алексеев называет эти права «правомочиями» [25].

Кроме того, нельзя не отметить, что само существование вторичных прав становится возможным лишь в рамках действующей системы вещных и обязательственных прав [26]. На наш взгляд, концепция «вторичных прав» способна наиболее точно отразить юридическую природу определенных прав участников корпорации, в частности преимущественное право приобретения акций в закрытом акционерном обществе, продаваемых другими акционерами этого общества.

Таким образом, взгляды сторонников обязательственно-правовой модели отношений между корпорацией и ее участниками можно разделить на две группы: первая группа включает представление о полном отражении корпоративных правоотношений обязательственно-правовой моделью, вторая, в которую входит большинство цивилистов в отличие от законодателя, охарактеризовавшего корпоративные отношения в качестве обязательственных, так или иначе указывает на их особый характер.

Третье направление ряда авторов исходит из того, что участники корпоративных коммерческих организаций обладают особыми корпоративными правами, не сводимыми ни к вещным, ни к обязательственным.

На особую юридическую природу корпоративных отношений в свое время указывал А.И. Каминка. При исследовании теории германистов им делается вывод, что права акционеров представляют своеобразные особенности сравнительно со структурой индивидуальных – обязательственных прав, они носят специфическую корпоративную окраску, сущность которой заключается в элементе господства

компании как таковой над отдельными ее участниками [27].

Мнение об особой природе прав акционеров находим и у И.Т. Тарасова. Он ввел новое для своего времени понятие «акционерное право», понимая под ним совокупность прав и обязанностей акционера [28].

Многие современные исследователи также отмечают специфический признак корпоративного отношения, который состоит в том, что самостоятельные и независимые друг от друга в гражданском обороте субъекты, вступая в правоотношение корпоративного характера, могут непосредственно влиять на формирование воли контрагента. Реализуя свои корпоративные права, члены корпорации участвуют в управлении юридическим лицом [29]. Как указывает Е.А. Суханов, «такая ситуация нетипична для гражданско-правового регулирования, так как по общему правилу в гражданском обороте субъекты самостоятельны и независимы друг от друга и поэтому не могут непосредственно участвовать в формировании воли контрагента» [30].

Для гражданско-правовых обязательственных правоотношений характерно наличие кредитора и должника, они носят относительный характер, опосредуют процесс перемещения имущества или иных результатов труда, носящих имущественный характер. Право требования и долг должника составляют юридическое содержание обязательственного правоотношения. В то же время обязательство, как разновидность гражданских правоотношений, опирается на метод равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности [31].

Корпоративные права невозможно идентифицировать как обязательственные или вещные. Определенное сходство с обязательственными правами имеется лишь у правомочий, возникающих у участников корпораций. Участники обществ и товариществ, утрачивая право собственности на передаваемое в виде вкладов обществу или товариществу имущество, получают обязательственные права требования: на часть дохода (дивиденд), на ликвидационную квоту (часть имущества, оставшуюся при ликвидации данного юридического лица после удовлетворения требований всех кредиторов). При этом В.А. Гуреев, определяя специфичес-

кие признаки корпоративных прав, указывает на условность в реализации корпоративных прав. Действительно, что касается обязательственного права на дивиденд – требования от общества выплаты объявленных дивидендов, то его появление обусловлено определенными юридическими фактами, среди которых на первое место следует поставить решение общего собрания акционеров о выплате дивидендов.

Условность как модель правоотношений известна еще с древних времен. В современной российской литературе С.В. Сарбаш отмечает наличие в гражданском праве условных сделок с отменительным и отлагательным эффектом. Так, в целях обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору заемщик продает кредитору под отлагательным условием определенное имущество. При этом стороны ставят возникновение права собственности покупателя-кредитора в зависимость от наличия факта неисполнения заемщиком-продавцом своих обязательств по кредитному договору [32].

При этом О.С. Иоффе указывал на юридические факты, которые сами не порождают

субъективных прав непосредственно, однако создают возможность их приобретения [33]. Корпоративные отношения, на первый взгляд, имеют определенные сходства с фактами-состояниями. Однако, по мнению Д.В. Ломакина, целесообразно понятие членства использовать для характеристики корпоративного (членского) правоотношения, а не для обозначения юридического факта [34]. М.М. Агарков, исследуя данный вопрос, указывал на обособление прав членства в акционерном обществе как ключевое в системе прав акционеров, не отнеся его ни к вещным, ни к обязательственным [35].

Классическому пониманию обязательственных прав противоречит также опосредованность корпоративных прав волей большинства, в решениях органов корпорации.

Сказанное позволяет определить корпоративные правоотношения как самостоятельный вид гражданских правоотношений.

Указанная точка зрения соответствует позиции законодателя. Также подтверждает специфичность правоотношений между участниками корпорации и корпорацией судебная практика.

Список использованной литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения (книга 1). М.: Статут, 2001. С. 222-223.
2. Победносцев К.П. Курс гражданского права. В 4 ч. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2002. С. 497.
3. Собрание постановлений Правительства РФ от 01.08.1991 № 6. Ст. 92. (Документ утратил силу)
4. Мальхина М.Н. Природа имущественных правоотношений в корпоративных коммерческих организациях по законодательству Российской Федерации. Дисс. канд. юрид. наук. 2003. С. 57.
5. Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дисс. канд. юрид. наук. – М., 1992. С. 28.
6. Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства. М.: Статут, 1994. С. 134-139.
7. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М.; Наука, 1987. С. 90.
8. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / Отв. рук. М.И. Брагинский. М.; Фонд правовая культура, 1996. С. 157.
9. Тютрюмов М.И. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга четвертая. М.: Статут, 2004.
10. См. Гуссаковский П.Н. Вопросы акционерного права // Журнал министерства юстиции. 1915. №12. С. 23-26.
11. Шершеневич Г.Ф. Указ соч. С. 348.
12. См. Корпоративное право: учебник для юридических вузов / В.В. Гуцин, Ю.О. Порошкина, Е.Б. Сердюк. М.: Эксмо, 2006. С.130; Лаптев В.В. Акционерное право. М., 1999. С. 48-50; Могилевский С.Д. Правовые основы деятельности акционерных обществ. М., 2004. С. 99-101.
13. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. №9. С. 38.
14. См. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.08. 2005 г. №16112/03; от 20.02.2006г. №5134/02.
15. Гримм Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. 2007. №3. Т. 7. С. 144-217.
16. Бабаев А.Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. 2007. №4. Т. 7. С. 18.
17. См. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2-х ч. Часть 1. М., 1997. С. 227.
18. Суханов Е.А. Вступительная статья к книге В.А. Белова «Ценные бумаги в российском гражданском праве». М.; Учебно-консультационный центр «ЮрИнфо», 1996. С. 14.
19. М.И. Брагинский, В.В. Витрянский Указ. соч. С. 237.
20. Бабаев А.Б. Указ соч. С. 18.
21. Zitelmann E. Internationales Privatrecht Bd. 2. T. 1. S. 20. См. Третьяков С.В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине // Вестник гражданского права. 2007. №2. С. 74.
22. Третьяков С.В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине // Вестник гражданского права. 2007. №2. С. 78.
23. См. Seckel E. Die Gestaltungsrechte des dritterlichen Rechts / По Третьяков С.В. Формирование концепции вторичных прав в германской цивилистической доктрине // Вестник гражданского права. 2007. №2. С. 86.

24. Агарков М.М. Обязательственное право. С. 68-69. По М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1997. С. 295.
25. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: Сб. статей. М., 2001. С. 62.
26. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд. М.: Статут, 2008. С. 826.
27. Каминка А.И. Очерки торгового права. Выпуск 1-й. С-Петербург. Издание Юридического книжного склада «ПРАВО». 1911. С. 267.
28. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М. Статут, 2000. С. 365
29. Цит. Козлова Н.В. Гражданско-правовая природа отношений между юридическим лицом и его учредителями // Законодательство. 2004 №7, 8. С. 18.
30. Гражданское право. Т. 1./ под ред. Е.А. Суханова. М.: Издательство БЕК, 2000. С. 240.
31. Лихачев Г.Д. Гражданское право. Общая часть: Курс лекций /Юстицинформ. 2005. (система Гарант)
32. Сарбаш С.В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. №1. Т. 8. С. 50-56.
33. См. Майфат А.В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования: Монография. Волтерс Клувер, 2006. С. 643.
34. Ломакин Д.В. Гражданско-правовые конструкции инвестиров. Майфатю. – №215. – С. 51.
35. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М.; 1993. С. 175.